

А. В.
АМФИТЕАТРОВ

Избранное

Александр Валентинович Амфитеатров

Душа армии

«„Душа Армии“ ген<ерала> П. Н. Краснова, с обширным предисловием г. Н. Н. Головина, представляет собой опыт введения в почти что новую и очень молодую еще науку „Военной психологии“. Военно-педагогическое значение этой книги подлежит критике военных специалистов, к которым себя отнести я никак не могу. Думаю, однако, что военно-критическая задача уже исчерпывающе выполнена двадцатью пятью страницами блестящего головинского предисловия. Дальнейшая критика, может быть, прибавит какие-нибудь замечания и соображения по технике военного искусства, темной для нас, штатских профанов, но глубокое психологическое содержание труда П. Н. Краснова освещено ген<ералом> Головиным полно, ярко и проникновенно...»

**Александр Валентинович
Амфитеатров
Душа армии**

«Душа Армии» генерала П. Н. Краснова, с добширным предисловием г. Н. Н. Головина, представляет собой опыт введения в почти что новую и очень молодую еще науку «Военной психологии». Военно-педагогическое значение этой книги подлежит критике военных специалистов, к которым себя отнести я никак не могу. Думаю, однако, что военно-критическая задача уже исчерпывающе выполнена двадцатью пятью страницами блестящего головинского предисловия. Дальнейшая критика, может быть, прибавит какие-нибудь замечания и соображения по технике военного искусства, темной для нас, штатских профанов, но глубокое психологическое содержание труда П. Н. Краснова освещено генералом Головиным полно, ярко и проникновенно.

«Душа Армии» – книга большого душевного тепла. Автор ее – умный мыслитель, внимательный наблюдатель, знаток своего предмета, образованный, начитанный, но прежде всего – и это дороже всего – горячо чувствующий, любвеобильный человек.

Тема книги – воспитание и охранение ду-

ши война, как индивидуальной, так коллективной, ибо в ней, в конце концов, все существо армии как силы ударной и защитной.

«Не странно ли, – спрашивает П. Н. Краснов, – что в 1914–1915 годы русская армия, слабая тяжелой артиллерией, почти не имеющая аэропланов, без снарядов и патронов, ибо были дни в 1915 году на Днестре и Пруте, когда я на конно-горную батарею, входившую в состав высочайше вверенной мне 3-й бригады Кавказской туземной дивизии, имел всего по семи выстрелов на орудие в день, – наша армия, иногда не имевшая даже ружей на всех бойцов, – оборонила Варшаву, взяла Перемышль, пробилась через Карпатские горы в Венгерскую долину, отражая иногда камнями, за неимением патронов, австро-венгерские атаки... Однако та же армия, вполне вооруженная, с аэропланами, тяжелыми пушками и газами, засыпанная патронами и снарядами, неудержимо бежит в 1917 году под Калушем, учиняя Тарнопольский погром!.. Не те люди стали в армии. Не та стала – душа армии!»

Рыба гнивает с головы. Армия, напротив,

с хвоста. Ущерб армейской души начинается в тылу, нарождаясь из его соприкосновения с обществом. Это соприкосновение безвредно для армии и даже живительно, если общество сильно и здорово, но губительно, если общество слабо и гнило. П. Н. Краснов весьма решительно доказывает, что германскую войну проиграла никак не русская армия, но — русское общество, которое «не выдержало». А не выдержало потому, что в промежутках двух войн, Японской и Великой, с интермеди-ей революции 1905 года, само оно весьма разложилось в течениях революционных, антипатриотических, антирелигиозных, аморальных. Гнилое общество дышало в тыл армии заразой и кончило тем, что, хотя и не скоро, однако перебросило-таки свою гангрену и на армию. Это совершенно верная мысль. Никогда мне не изжить тяжелого, стыдного впечатления, какое произвел на меня в ноябре 1916 года Петроград, после того как приехал я в него из патриотически приподнятого Рима, через изумительный патриотическим одушевлением Париж и богатырски твердый, спокойный, уверенный в себе Лондон.

Свою мысль П. Н. Краснов защищает противопоставлением русскому обществу 1914–1917 гг., ослабевшему в разброде классовых интересов и социально-политических идеалов, общества 1812–1814 гг., сильного, как он полагает, своей цельностью. С этой антитезой я не могу согласиться. Изучая семнадцать лет тому назад, к юбилею Отечественной войны, бытовую историю ее русск<ой> современности по источникам, я должен был убедиться, что патриотическую цельность тогдашнего общества пора отнести к области легенд из разряда «нас возвышающих обманов». (См. мою книгу «1812 год», XVI том моих сочин<ений>, изд. «Просвещения»). И общество (в значении интеллигенции и привилегированных слоев) было очень пестро, и мужик взялся за дубье, только когда отступление Наполеона из Москвы наполнило район французского передвижения разорительным для крестьянства мародерством. Раньше было то же самое – «мы калуцкие, до нас не дойдет!», – что и в Великую войну, пережитую нами.

Бесспорную патриотическую цельность представляла собой, несмотря на свои техни-

ческие недостатки, отвратительное интенданство и, в большинстве, плохое командование, – только армия, благодаря сплоченности дворянского офицерства, воспитанного традициями суворовского духа и (это тоже не лишнее помнить, хотя часто забывают или даже отрицают) железной гатчинской дисциплины. Ее суровость – до жестокости, а в крайних, «аракчеевских», злоупотреблениях – даже и до свирепости – оставила в истории мрачную память. Тем не менее она, в лицах императора Павла и его четырех сыновей, сдержала и подтянула «екатерининских орлов» и «чудо-богатырей» как раз вовремя, чтобы они, избалованные тридцатилетием успехов, не распустились в «негодницу». Отечественная война была выиграна главнокомандующим суворовской школы, умевшим вдохнуть ее живительный гений в автоматическую мощь питомцев гатчинской машинальной дрессировки.

П. Н. Краснов, пламенный поклонник Суворова, и умел представить его читателю в живой обрисовке. Вообще, все военные любимцы П. Н. Краснова приобретают под его

лаконическим пером путем удачно выбранных цитат яркую и выпуклую образность. Так, мимолетно, но, врезываясь в память, проходят пред глазами читателя Наполеон в своих приказах и со своими страшными «*cours de collier*», которыми решалась победная судьба его сражений; Скобелев на Зеленых Горах; граф Келлер – «заговоренный» начальник 10-й кавалерийской дивизии в Великую войну.

Замечательна по своей убедительности защита П. Н. Красновым несчастного генерала Самсонова, трагического героя сольдауских боев в августовские дни 1914 года, покончившего с собой, когда его XV корпус, окруженный немцами, вынужден был к сдаче. Самсонов погиб жертвой «самого опасного на войне чувства – страха, что его заподозрят в страхе, в трусости». Он очень хорошо понимал невозможность наступления, приказанного ему из штаба. Но в штабе его донесениям плохо верили, и до него дошла резкая фраза, брошенная главнокомандующим на фронте, генералом Жилинским: – Видеть противника там, где его нет, – трусость, а трусость не позволю

генералу Самсонову и требую от него продолжения наступления. Оскорбленный генерал «продолжил наступление» – и погиб. Так точно в Отечественную войну погиб со своей дивизией старый боевой генерал Багговут в бою под Тарутиным, обиженный резкой фразой графа Толя.

«Теперь мы знаем, – говорит П. Н. Краснов, – что наше тягчайшее поражение в эту войну было той платой, которой мы заплатили за выигрыш всей кампании, ибо неудача Сольдау спасла Марну и Париж. И самая блестящая победа генерала Гинденбурга под Танненбергом (Сольдау) явилась началом германской катастрофы. Но генерал Самсонов тогда знать этого не мог. Ему сказали, что его долг – погибнуть с его армией, и он взошел на Голгофу этой гибели. В этом он жертвенно исполнил свой долг».

Приведя три примера «храбрости» на разных ступенях командования, – подпоручик, кавказский гренадер К. С. Попов, полковой командир Лопатин, генерал Самсонов, – П. Н. Краснов задается вопросом: что такое храбрость? – и отвечает: Храбрость есть выс-

шее исполнение долга, доведенное до полного самопожертвования.

Скобелев храбр не потому, что «не боится». Напротив, он, по собственному признанию, боялся – и очень: недаром же при вскрытии его трупа оказалось в его молодом теле сердце, изношенное, как старая тряпка. Более того, он не верил в возможность «не бояться» (конечно, для нормального человека). Но для воли человеческой, в «квадрате» с умом, как требовал Наполеон, доступно овладение страхом до большей или меньшей его парализации пред чувством долга. Вот этот-то квадрат ума с волей, настойчивой в острейшей степени, и составляет храбрость Скобелева, Наполеона, графа Келлера и др.

Храбрость есть дар в момент опасности помнить, сознавать и исполнять все, что способно отразить и уничтожить опасность. П. Н. Краснов очень остроумно доказывает, что суворовскому «чудо-богатырю» было легче быть храбрым при несложности той боевой опасности, которой угрожали ему тогдашние средства войны, чем нынешнему воину, стоящему в бою против воистину адского раз-

нообразия разрушительных средств. Для нынешнего воина источником храбрости должно быть военное образование. «Всякий воин должен понимать свой маневр», – завещал Петр Великий: от главнокомандующего, через генералитет и офицерство, к рядовому солдату и даже далее – к кавалерийскому коню. П. Н. Краснов с сильным драматическим подъемом рассказывает свое дело 29 мая 1915 года у Дзвиняча, когда почти неизбежное поражение было обращено в полную победу блестящей атакой четырех сотен Заамурской конной бригады генерала Черячукина.

«Я благодарил еще возбужденных боем и схваткой солдат. Из рядов раздались голоса. Они звучали как-то особенно. Доверительно. Дружески. Братски. Спаянные общим делом.

– Не благодарите нас, ваше превосходительство. Мы ни при чем. Мы, как его увидели, как стеганули по нам его пули, повернуть хотели. Да лошади наши так заучены, как увидели неприятеля – пошли в карьер – не свернешь, не удержишь. Ну, тут: коли да рубли!»

«Скромность солдатская... Русская, застен-

чивая, сама себя боящаяся храбрость!» – замечает П. Н. Краснов.

«Солдатом» он сравнительно мало занимается в своей книге – прямо, но, в сущности, она вся посвящена вопросу о солдате, так как солдат для П. Н. Краснова – продукт, плод, дитя и ученик офицера. Воспитательная роль офицера, по программе Краснова, огромна. Это и брат, и отец, и ответственный учитель, лучший друг солдата, – однако никогда не «товарищ», но всегда начальник. Без образования, без знания не может быть офицера, у необразованного, несведущего в военном деле офицера не может быть хороших солдат. «Лишь образованный, знающий офицер, как в бою, так и в период мирного обучения, будет влиять на своих солдат, будет авторитетом для них, и это облегчит ему овладение коллективной душой своей части, поможет ему внушить ей высокие идеалы мужества и храбрости».

Как идеал офицера П. Н. Краснов приводит пример полковника Л.-Гв. Гренадерского полка Моравского (о нем в «Возрождении» был очерк К. Мандражи «Дядя Саша»). Моравский

был настолько полон любви к своим солдатам, что ночью, в осеннюю стужу, пробирался к ним, лежавшим в секретях, в пятистах шагах от неприятеля, чтобы своим присутствием ободрить и ласковым словом приголубить каких-нибудь Иванчука с Сыровым, не робеют ли они, в тоске от холода и томительной неизвестности, под тьмой осенней ночи и в близости от врага: – Иванчук, холодно тебе. Потерпи, дорогой... Вместе потерпим. Благородство. Религиозность. Знание. Любовь к солдату. Высокоразвитое чувство долга и чести, личной и корпоративной. Знание дисциплинарного устава и умение тактично проводить его в жизнь. Патриотическая искренность. Таковы составные элементы офицера, способного создавать хороших солдат. Элементы, слагающие «обаяние офицера».

По ступеням командования вверх растут требования «обаяния», доходя до тех наиболее ответственных вершин, где командные силы носят уже имена Суворова, Наполеона, Скобелева. Вера в знания, опыт и удачливость (счастье) своего вождя-начальника есть великий моральный залог успеха армии. В приме-

ры П. Н. Краснов приводит кавалерийские атаки «заговоренного» гр<афа> Келлера и, – в более широком размере: «Не громадная ли вера в Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича двигала наши войска от неудач Сольдау к великой варшавской победе и славной Галицийской битве, где шутя был взят оплот Австро-Венгерской империи – Львов, Сенява и Перемышль? И обратно: не фатальная ли неудачливость императора Николая II (Ходынская катастрофа в день коронации, Японская война, темные слухи, пускаемые злонамеренными людьми) пошатнула дух армии, когда государь император взял на себя командование в 1915 году?».

Вел<ико>му кн<язю> Николаю Николаевичу как Верховному главнокомандующему российских армий посвятил П. Н. Краснов свой интереснейший очерк. Н. Н. Головин, в заключение своего предисловия, выражает надежду, что опыт генерала Краснова вызовет на обширное и малоизведенное поле военной психологии новых и новых работников. На этом благом пожелании позволю себе

и я расстаться с «Душой Армии». П. Н. Краснов положил хорошее начало разработке поднятой им нови, а хорошее начало, говорят, половина дела.